

Michał Mordan

DOI: 10.15290/sw.2024.24.11

Uniwersytet w Białymstoku
e-mail: m.mordan@uwb.edu.pl
ORCID: 0000-0002-5709-3469

Фамилии Подляшья: когнитивный аспект

Ключевые слова: ономастика, антропонимия, фамилии, когнитивизм, Подляшье

Проблема восприятия продуктов речемыслительной деятельности все чаще относится в научной литературе к вопросам когнитивного направления, в рамках которого пересекаются интересы разных наук – лингвистики, психологии, этнографии и др. [Голев, Дмитриева 2008, 6]. По мнению Валентины Масловой [2018, 29], вокруг ономастики должна возникнуть междисциплинарная теория, разработка которой позволит исследовать вопросы взаимодействия таких феноменов, как человек, его сознание, мышление и язык. Ученые-языковеды уже давно пришли к выводу о необходимости полипарадигмального подхода в ономастике. Дело не в моде и изменении вектора лингвистических исследований, а в постоянном дополнении образа онимической сферы всевозможными интерпретациями и знаниями [Mrózek 2006, 158; Rutkowski 2007, 15; Matusiak-Kempa 2012, 188].

В связи с этим заметен интерес исследователей к описанию собственных имен сквозь призму новых направлений. Онимные системы стали рассматриваться в ракурсе этнолингвистики, антропоцентризма¹,

¹ Также бодицентризма [Matusiak-Kempa 2019, 108–109].

аксиологии, когнитивистики, причем анализ проводится как в отдельно выбранном контексте, так и разнопарадигмальном подходе [Кюршунова 2019, 73].

Как известно, основной функцией имени собственного является номинация объекта, находящегося в пределах реального или мнимого мира. Все существующее в окружающей действительности получает название только потому, что находится в центре интересов человека [Супрун 2019, 100]. Носитель языка именуется объекты, исходя из собственного видения и рецепции мира, поэтому любая онимная система воспринимается как результат деятельности языковой личности [Дорофеев 2019, 378]. Именно когнитивный подход в изучении онимов предполагает познание существования собственных имен в ментальном лексиконе человека [Голев, Дмитриева 2008, 7]. Изучение антропонимов можно проводить с разных точек зрения и разными методами [ср. Raszewska-Klimas 2019, 167–168]. Невозможно исследование собственных личных имен в полном объеме, применяя только один способ их анализа. Полное описание онимов должно предполагать введение языкового материала в разные русла, в т.ч. в когнитивную лингвистику [Mrózek 2006, 158; Rutkowski 2007, 15]. Как уже было отмечено, когнитивная перспектива в ономастической науке не является новым взглядом на собственные наименования. Она восполняет существующие подходы, выдвигающие на первый план семантический аспект [Raszewska-Klimas 2019, 167–168].

До начала XXI века когнитивный аспект среди ономастов не пользовался популярностью [Голев, Дмитриева 2008, 6; ср. также Matusiak-Kemra 2019, 333] также и потому, что собственные имена находились в основном в поле зрения этимологов и структуралистов [Копач 2018, 21]. С другой же стороны, именно структурная лингвистика представляет собой главный стержень для создания связной, упорядоченной модели, охватывающей хорошо известные и правильные интуиции, касающиеся природы языка и способов его описания, что, в свою очередь, является целью когнитивной лингвистики [Tabakowska 2004, 8]. Поэтому достаточно сложно построить полипарадигмальное изучение отдельных антропонимических единиц и ономастикона в целом, оставляя в стороне классический анализ, охватывающий способы и мотивы индивидуальной номинации [Кюршунова 2019, 73]. Следует добавить,

что этимологические исследования онимов были высоко оценены когнитивистами [Cieślukowa 1996, 5].

В научной литературе существует много толкований понятия *фамилия*. Несмотря на это, в контексте наших исследований следует считать ее языковым результатом встречи с конкретным человеком и вытекающей из этого факта попытки описания этого лица языковыми средствами. В итоге фамилия является символической реализацией в речи определенного ментального опыта, охватывающего сенсорные процессы, ход образования новых понятий и контекстные знания [Skowronek 1997, 147].

Существенным фактором, инициирующим процесс формирования фамилий является психическая потребность в определении и наименовании себя и объектов окружающей среды. Удовлетворение такого типа потребностей находит отражение в языковой единице – антропониме [Skowronek 1997, 149]. Когнитивный аспект позволяет раскрыть сложнейшие умственные процессы, сопутствующие индивидуальной номинации [Кюршунова 2019, 74], рассматривает собственные наименования с точки зрения воспринимающего, категоризирующего и оценивающего человека [Kaleta 1998b, 157; ср. Matusiak-Kempa 2012, 195].

Настоящее исследование посвящено когнитивному аспекту изучения отапельлятивных фамилий жителей польского региона Подлясье, поликультурный характер которого обусловлен историческими, конфессионально-этническими и языковыми факторами². Отправным пунктом анализа является мотивирующая черта, которая послужила источником образования первоначального антропонима. Именно этот исходный пункт является фактором, влияющим на способ категоризации действительности, формирует перспективу, в которой отображен предмет в языковой картине мира [Bartmiński 1999, 112].

Неотъемлемым элементом взаимодействия человека с миром является оценка окружающей действительности. Встречаясь – непосредственно или мысленно – с определенными объектами, человек помещает

² В связи с большим объемом материала, в настоящей публикации мы ограничиваемся цитированием примеров, опираясь на фамилии жителей города Бельск-Подляшский (Бельск-Подляски). Источником ономастической информации послужил телефонный справочник за 2006 год.

их в оценочные схемы, т. е. считает их хорошими, плохими или находящимися в какой-либо точке между хорошим и плохим [Bogdanowicz 2010, 115; ср. Matusiak-Kempa 2012, 188]. Появление отапеллятивных антропонимов может быть вызвано желанием выразить уважение, симпатию или же, наоборот, недоброжелательство, антипатию. Нередко они могут создаваться с целью насмешки и гиперболизации недостатков другого человека [Czubała 2008, 59]. Оценка, содержащаяся в мотивирующих основах отапеллятивных фамилий, раскрывает мыслительные схемы человека – создателя онима [Łuc 2016, 192]. Отапеллятивные прозвища (которые с течением времени превратились в фамилии [Matusiak-Kempa 2019, 9]) рождались в эмотивно-иллюкутивном речевом акте, давая человеку характеристику, определяя его психические и физические качества, иногда прямо (ср. *Biały, Czarny, Goły*, в т.ч. в форме дериватов, напр., *Krzykała, Rykała, Długosz, Gniewosz*), иногда путем метафоры или метонимии [Cieślíkowa 1999, 272].

Рассматривая фамилии в ракурсе когнитивных исследований, можно выделить несколько познавательных категорий³, получивших впоследствии воплощение в антропонимах. К ним относятся: человек, родство, принадлежность, происхождение, пространство и место, работа⁴, внешность и черты характера, эмоции и ценности [Raszewska-Klimas 2019, 171; ср. Matusiak-Kempa 2019, 16, 126]⁵. Исследование «подляш-

³ Согласно с принципами когнитивизма, категории выделяются человеком по сходству объектов. Эти категории включают в себя элементы более или менее показательные, если принять во внимание наличие определенных дефиниционных признаков. Первые из них находят место в центре данной категории, вторые – на периферии [Kaleta 1998a, 241].

⁴ Фамилии, восходящие к названиям профессий, заслуживают отдельного внимания также в контексте когнитивистских исследований, поскольку сами названия профессий являются специфическим пластом нарицательной лексики [см., напр., Cieślíkowa 1990, 152; Matusiak-Kempa 2019, 11].

⁵ Вписывая вопрос собственных имен в русло когнитивизма можно их рассматривать не только в доимном плане [см., напр., Голев, Дмитриева 2008, 7]. Также изучая *nomina propria* на этапе их функционирования, т. е. употребления в общественной коммуникации, обнаруживается ряд ассоциативных связей. Как утверждает Мариуш Рутковский [Rutkowski 2007, 23], онимы могут в таком случае наделяться лексическими коннотациями, зависящими от конкретного коммуникативного акта. Потребитель языка, используя собственное наименование в определенной, обусловленной контекстом обстановке, не обязательно соотносит его с конкретным объектом только в референциальном смысле. Антропоним может создавать ассоциации, являющиеся

ского» материала позволяет вписать его в рамки вышеупомянутых категорий, поскольку отличительные особенности человека, положенные в основу антропонимов, могут относиться к его различным чертам.

► Внешний вид:

Ancuta – русск. диал. (из лит.) *анчутка* ‘неряха, грязнуля’ (ср. лит. *ančiūtė* – уменьш. от *ántis* ‘утка’) СлБа 52; **Baniewicz** – польск. *bania* ‘полный, ожирелый человек’ SW I 93–94; **Bielak** – польск. диал. *bielak* ‘беловолосый мужчина’ SGPR II 188; **Bobel** – польск. диал. *bobel* ‘смердящий человек’ SGPR II 313; **Bujniuk** – польск. *bujny* ‘сильный’, укр. *бу́йний* ‘крупный, рослый, сильный’ РумNP I 61, СУМ I 108; **Choroszkiewicz** – вост.-сл. диал. *xorošy* ‘красивый’ AGWB I 107, SGBP 245; **Ciamaga** – польск. диал. *ciamaga* ‘человек с большими нестройными ногами’ SGPR IV 248; **Ciołek** – польск. *ciotek* ‘перен. полный человек’ SW I 332; **Czarnuszyc, Czernuszyc** – польск. диал. *czarnucha, czernucha* ‘черноволосая женщина’ SW I 373; **Derwich** – возм. польск. *derwisz* ‘перен. тощий, худой или голый нищий человек’ SW I 446; **Dunda** – лит. *dundūlis* ‘толстяк, толстопузый’, лит. *dundė* ‘толстая женщина’ СлБа 107; **Gac** – польск. *gaca* ‘нестройный, неуклюжий мужчина’ RospNŚ II 1; **Gibas** – польск. *gibas* ‘большой, высокий, верзила’ SW I 820, 828; **Gładkiewicz** – польск. *gładki* ‘человек с гладким лицом; элегантный, стройный, красивый человек’; др.-польск. *gładki* ‘полный, ожирелый’ SW I 837–838; **Gładysz** – польск. *gładysz* ‘человек, чрезмерно заботящийся о своей внешности, щеголь’; ‘красивый человек’; ‘человек, с очень небольшим количеством волос’ SW I 838, III 892; **Golec** – польск. *golec* ‘лысый человек’ SW I 866; **Gorbacewicz** – русск. *горбач* ‘горбатый человек’ Даль I 377, Ушак I 597–598; **Guz** – польск. *guz* ‘перен. малый (невысокий) человек, карлик’ SW I 943; **Heilmann** – нем. *haila, heil* ‘здоровый’ + *manna, man* ‘человек, мужчина’ SENiem 96, 169; **Horbowicz** – вост.-сл. диал. *horbaty* ‘горбатый’ AGWB I 103,

результатом собственных знаний о названном человеком объекте (денотате), или вытекающие из самой структуры наименования. Когнитивный аспект в антропонимии проявляется также на словообразовательном уровне [ср. Raszewska-Klimas 2019, 171; Kaleta 1998b, 158–159].

SGBP 56; **Kędra** – польск. диал. *kędrawy* ‘имеющий вьющиеся, кудрявые волосы’ SW II 316; **Korzun, Korzunowicz** – белор. *карзун* ‘человек без передних зубов, щербатый’ SHNOB I 171; **Krzywiec** – польск. *krzywy* ‘сутулый человек’; польск. диал. *krzywy* ‘хромой или без руки человек’ SW II 600–601; **Kukołka** – русск. *куколка* ‘нарядная девушка’ БТС 478, Ушак I 1542; **Kurek** – польск. диал. *kurek* ‘о косоглазом человеке’ SGOWM III 388; **Lewsza** – польск. диал. *lewsza*, вост.-сл. диал. *levša*, русск. *левша* ‘человек, владеющий левой рукой лучше, чем правой’ SW II 724, AGWB I 102, БТС 489; **Lis** – польск. *lis* ‘перен. рыжий человек’ SW II 748; **Łach** – польск. *łach* ‘оборванец, оборвыш’ SW II 785; **Ładniak** – польск. *ładny* ‘красивый’ SW II 788; **Łuksza** – лит. *lūkšas* ‘с большими обвисшими ушами’ КонЕВТ 141; **Łobasiuk** – укр. *лобас*, русск. *лобастый*, белор. *лабасты* ‘о человеке с большим выпуклым челом’ СУМ II 373, БТС 502, Ушак II 80, ТСБМ III 7; **Mantiuk** – вост.-сл. диал. *mańtiuk* ‘левша’ AGWB I 102; **Popiołek** – польск. диал. *popiołek* ‘мальчик с волосами пепельного цвета’ SW IV 649; **Rabczuk** – белор., укр. *рабы*, русск. *рабой* ‘веснушчатый, осповатый человек’ SW V 457, КНФ 516; **Sitakiewicz** – польск. *sitak*, укр. *силак* ‘очень сильный человек, силач’ SW VI 114, СУМ IV 119; **Siwiec** – польск. *siwiec* ‘поседелый человек’ SW VI 123; **Smoluk** – польск. *smoła* ‘смердящий человек’, ‘грязнуля’ SW VI 244; **Szatyn** – польск. *szatyn* ‘темно-русый человек’ SW VI 575; **Szurpik** – белор. (из лит.) *шурпа* ‘кудрявая голова’, ‘неряха’ (из лит. *šiūrpa* ‘взъерошенный’; ср. лит. *šiūrpis* ‘петух, курица со взъерошенными перьями’) СлБа 25; **Żyluk** – лит. *žilas* ‘седой’ ZinkLB 53, LLKŽ 552.

Лексемы, обозначающие внешний вид, являются весьма продуктивной базой для создания антропонимов. Элементы внешности человека относительно легко обнаруживаются и воспринимаются другими, не требуя больших усилий в наблюдении. В итоге фамилии отражают отдельные компоненты физиономии человека (причем немало названий относится к цвету и количеству волос – ср., например, фамилии: *Golec, Kędra, Popiołek, Żyluk*, весу: *Baniewicz, Ciołek, Dunda*, характерным деталям других частей тела: *Łuksza, Łobasiuk*, недостаткам: *Gorbacewicz, Korzun, Kurek*) или его общий вид (*Choroszkiewicz, Gas, Kukołka, Ładniak*). Превалируют отрицательные черты [ср. *Matusiak-*

-Кемра 2012, 194; Matusiak-Кемра 2019, 110, 114], что вытекает из человеческой природы ухватить и гиперболизировать прежде всего недостатки соседа, знакомого, коллеги по работе и т.д. с целью насмешки, шутки или издевательства.

► Походка:

Chrom – др.-польск. *chrom* ‘хромой человек’ SXVI III 319–320; **Ciamaga** – польск. диал. *ciamaga* ‘человек с тяжелой походкой’ SGPR IV 248; **Łachacz** – др.-польск. *łachacz* ‘о человеке, который постоянно ходит, бегаёт без особого повода’ SW II 785.

Особенности походки также могли выступить предметом наблюдения. В рассматриваемом материале появились лексемы с отрицательной оценкой.

► Особенности речи:

Bajena – польск. диал. *bajana* ‘глупо говорящая женщина’ SGPR I 280; польск. диал. *bajać* ‘балаболить, говорить пустяки’ SStpl I 57, SGOWM I 145, РумNP I 14; **Batura** – белор. *batupa* ‘балабол, болтун’ LPŽ 1 212; **Bil** – лит. *bilti, bilūs* ‘разговорчивый, словоохотливый, красноречивый’ ZinkLB 20, LLKŽ 488; **Dunda** – лит. *dundūlis* ‘болтун, быстро говорящий человек’ СлБа 107; **Harkawy** – вост.-сл. диал. *harkawy* ‘человек, произносящий звук [p] горлом’ SW I 272, II 18; SGBP 53; **Momotko** – польск. *momot* ‘заика, человек, говорящий с трудом, немой’; польск. диал. *momotać* ‘говорить невнятно’ SW II 1034; **Sysuła** – польск. диал. *sysuła* ‘бестолково говорящий человек’ SW VI 545; **Taranta** – русск. *таранта* ‘тот, кто говорит быстро, без умолку; болтун, говорун’ Фасм IV 21, Даль IV 390; **Treszczotka, Treszczotko** – русск. *трещотка* ‘тот, кто любит поговорить, поболтать; болтун’ Ушак IV 797.

Процитированные примеры показывают, что человеческий ум воспринимает не только то, что говорит другой человек (*Bajena, Bil*), но и как он говорит (*Taranta*), включая при этом анатомические изъяны строения речевого аппарата (*Harkawy, Momotko*).

► Черты характера:

Akula – русск. *акула* ‘перен. жадный человек, пользующийся чьей-либо работой и имуществом’ Ушак I 25; **Ancuta** – русск. диал. (из лит.) *анчутка* ‘своевольный, упрямый ребенок’ (ср. лит. *ančiūtė* – уменьш. от *ántis* ‘утка’) СлБа 52; **Baran** – польск. *baran*, белор. *баран* ‘перен. глупый, тупой человек’ SW I 96, ТСБМ I 341, русск. *баран* ‘о глупом, упрямом человеке’ БТС 59; **Baszun** – польск. *basza* ‘перен. дерзкий человек’ SW I 104; **Batura** – венг. *bator* ‘смелый’ РумNP I 23, русск. *батыра* ‘упрямый человек’ LPŽ I 212; **Bil** – лат. *bīla* ‘плакса’ LPŽ I 256; **Bołdak** – русск., белор. диал. *балда* ‘перен. бестолковый, глупый человек’ БТС 56, СБГ I 157; **Borowczyk** – польск. *borowiec* ‘перен. дикий человек’ SW I 191; **Boruta** – польск. диал. *boruta* ‘перен. невыносимый человек’ SW I 192; **Chraboł, Chrabołowicz** – возм. белор. *храбры*, русск. *храбрый* ‘смелый, мужественный, отважный’ ТСБМ V/2 211; **Cilulko** – лит. *tylūs* ‘тихий, молчаливый человек’ КонNBB 132; **Cymbaluk** – польск. *cymbał* ‘глупый, бестолковый человек, чурбан’ SW I 360; **Duda, Dudicz** – польск. *duda* ‘перен. дурак, ротозей’ SW I 579; **Dworak** – польск. *dworak* ‘перен. благовоспитанный человек’ Дор II 449; **Gładkiewicz** – польск. *gładki* ‘перен. вежливый человек’ SW I 837–838; **Grzyb** – польск. *grzyb* ‘перен. тупой человек, чурбан’ SW I 936; **Kobuz** – польск. *kobuz* ‘перен. доносчик, преследователь’ SW II 383; **Kozioł, Kozłow** – польск. *koziół* ‘перен. очень упрямый человек; перен. плохой, злой человек’; русск. *козел* ‘о человеке, вызывающем раздражение своей упорствующей глупостью’ SW II 512–513, БТС 437; **Krutelewicz** – вост.-сл. диал. *krut’el* ‘хитрец, плут’ ТСБМ II 734, SGBP 109; **Krzywiec** – польск. *krzywy* ‘перен. враждебный, завистливый человек; перен. фальшивый, злой, нечестный’; польск. диал. *krzywy* ‘неприятный’ SW II 600–601; **Lis** – польск. *lis*, русск. *лис* ‘перен. хитрый, лукавый человек’ SW II 748, БТС 498; **Łobasiuk** – укр. *лобас* ‘тупица’ СУМ II 373; **Rubacha** – польск. *rubacha* ‘слишком бесцеремонный человек’ SW V 759; **Sobków** – польск. *sobek* ‘эгоист’ SW VI 254; **Sycewicz** – польск. диал. *sys* ‘скряга, скупец’ SW VI 532; **Szczur, Szczurak** – польск. *szczur* ‘перен. любознательный человек’ SW VI 593; **Szeszko** – польск. диал. (из белор.) *szeszek* ‘перен. трусливый человек’ (ср. белор. *шалюк* – из лит. *šeškas* ‘хорек’) SW VII 36, СлБа 25; **Szuj** – польск. *szuja* ‘негодяй’ SW VI 683;

польск. диал. *szuja* ‘неприличный человек’ SW VI 683; **Trusiak** – русск. *трус*, польск. *trus* ‘перен. трусливый, робкий человек’ БТС 1349, SW VII 130; **Wojszkowicz** – лит. *vaišius* ‘гостеприимный’ KonNRL 245; **Wrona** – польск. *wrona* ‘перен. любопытный дурак’ SW VII 723; **Zoch** – белор., русск. *жох* ‘хитрый человек, обманщик’ ТСБМ II 259, Ушак I 877.

Восприятие внутренних состояний требует, несомненно, больше внимания и более тщательного познания индивидуальных особенностей. В приведенном наборе четко преобладает отрицательная характеристика. Высмеиваются глупость (*Baran, Bołdak, Cymbaluk, Duda, Koziot, Łobasiuk*), скупость / жадность (*Akuła, Sycewicz*), хитрость (*Krutelewicz, Lis, Zoch*), упрямство (*Ancuta, Baran, Batura* (част.), *Koziot*) и т. д. Положительные черты характера представлены лишь единичными примерами (*Dworak, Gładkiewicz, Wojszkowicz*).

► Особенности поведения и способ действия:

Ancuta – русск. диал. (из лит.) *анчутка* ‘баловень, баловник’ (ср. лит. *ančiūtė* – уменьш. от *ántis* ‘утка’) СлБа 52; **Bobel** – лит. *bóba* ‘растяпа’ (ср. лит. онимы *Babėlis, Bobėlis*) ZinkLB 46, LLKŽ 68; **Ciamaga** – польск. диал. *ciamaga* ‘растяпа, копуша’ SGPR IV 248; **Czapiuk** – польск. диал. *czapa* ‘недотепа, растяпа’ SW I 316; **Czeczuk** – русск. *чечка* ‘избалованный, изнеженный ребенок’ КНФ 597; **Duda, Dudicz** – польск. *duda* ‘перен. недотепа’ SW I 579; **Funk** – нем. *funke, vunke* ‘энергичный, юркий человек’ RospNŚ I 264, РумNP I 207, SENiem 60; **Haraburda** – польск. (из укр.) *haraburda* ‘скандалист, крикун, задира’ SW II 6, 15; **Łuba** – польск. *łuba* ‘ворчунья’ SW II 821; **Łuksza** – лит. *lùkšas* ‘копуша’ KonEBT 141; **Momotko** – польск. диал. *momot* ‘растяпа’ SW II 1034; **Mulawko** – русск. *мулява* ‘человек медлительный, неповоротливый’ КНФ 398–399; **Opryszczko** – польск. *opryszek* ‘хулиган, скандалист’, ‘грабитель, разбойник’ Dor V 1057–1058; **Rubacha** – польск. *rubacha* ‘неэнергичный, инертный человек’ SW V 759; **Sidun** – вост.-сл. диал. *sidun* ‘малоподвижный человек’⁶; **Szerszeń** – польск. *szerszeń* ‘перен.

⁶ Лексема, не засвидетельствованная в доступных автору словарях. Встречается в устной речи в местных говорах.

резкий человек' SW VI 608; *Tołkaczew* – русск. *толкач* 'перен. человек, которому поручают подтолкнуть, ускорить какое-либо дело' Ушак IV 727, БТС 1328; *Worobiej* – русск. *воробей* 'о взъерошенном, насупленном человеке, преимущественно ребенке' БТС 150; *Wrona* – польск. *wrona* 'перен. ротозей, зевака, разиня' SW VII 723.

Оценке подвергается поведение человека (*Ancuta*, *Czeczuk*, *Haraburda*, *Szerszeń*) и способ выполнения им различных действий (*Ciamaga*, *Momotko*, *Mulawko*, *Wrona*), причем отражение в онимах нашли лексемы, относящиеся к общим свойствам человека, к его имманентным качествам.

- ▶ Способности (или их отсутствие):

Ciamaga – польск. диал. *ciamaga* 'растяпа, копун' SGPR IV 248; *Cieptucha* – польск. *cieptucha* 'топорная, неловкая девушка' SW I 329; *Dunda* – польск. диал. *dunda* 'о девушке, не умеющей ничего делать' SGPR VI 461; *Lewsza* – русск. *левша* 'об очень искусном мастере, умельце' БТС 489; *Majstrowicz* – польск. *majster* 'перен. ловкий человек, мастер' SW II 851; *Mazuruk* – польск. *mazur* 'необразованный человек, невежа' SW II 907; *Momotko* – польск. диал. *momot* 'растяпа' SW II 1034; *Tołkaczew* – белор. *таўкач* 'недалекий, ограниченный, тяжело соображающий человек' ТСБМ V/1 483; *Worobiej* – русск. *воробей* 'о много испытавшем, опытном человеке' БТС 150; *Zimnoch* – польск. диал. *zimny* 'халтурщик' SW VIII 505–506.

В современных фамилиях нашли также отражение таланты и анти-таланты. В рассматриваемом наборе только в трех примерах (*Lewsza*, *Majstrowicz*, *Worobiej*) можно говорить о положительной оценке.

- ▶ Внутрисемейные отношения:

Babula – польск. *babula*, белор., русск. *бабуля* – уменьш. или ласк. к *baba*, *баба* 'бабушка' SW I 77, ТСБМ I 320, Даль I 35; *Bliźniuk* – вост.-сл. диал. *bliźniuk* 'близнец' SGBP 23; *Kardaszewicz* – польск. *kardasz* 'брат, родственник' SW II 266, 328; *Matczuk* – польск. *matka* 'мать' SW II

902–903; *Poskrobka, Poskrobko* – польск. диал. *poskrobek* ‘перен. младший ребенок в семье’ SW IV 743; *Pristupa, Prystupa* – вост.-сл. диал. *prystupa* ‘зять, пришедший в дом жены’ AGWB I 99; *Wnuczko* – польск. *wnuczek*, русск. *внучек, внучок* – уменьш. к *wnuk, внук* ‘сын дочери или сына; перен. потомок или наследник’ SW VII 669–670, БТС 138; *Zimnoch* – польск. диал. *zimny* ‘неродной, сводный’ SW VIII 505–506.

Отражение в фамилиях этой группы нашли апеллятивы, называющие степени родства (*Babula, Bliźniuk, Matczuk, Wnuczko*) или отношения другого характера (*Kardaszewicz*). В отличие от лексем в вышеприведенных группах, они отличаются нейтральным эмоциональным оттенком. Только в единичных случаях наличествует экспрессивность (*Babula, Wnuczko, Zimnoch*), выраженная словообразовательными средствами.

► Возраст:

Babula – польск. *babula* ‘пожилая женщина, старуха’ SW I 77, ТСБМ I 320, Даль I 35; *Bielak* – польск. диал. *bielak* ‘старик’ SGPR II 188; *Bobel* – польск. диал. *bobel* ‘сопляк (о ребенке)’ SGPR II 313; лит. *bóba* ‘старуха’ ZinkLB 46, LLKŽ 68; *Gil* – польск. *gil* ‘перен. сопляк (о ребенке)’ SW I 828; *Gruchot* – польск. *gruchot* ‘пожилой человек’ SW I 919; *Grzyb* – польск. *grzyb* ‘перен. старый, дряхлый человек’ SW I 936; *Knot* – польск. (из нем.) *knot* ‘перен. малыш’ SW II 380; *Łuba* – польск. *łuba* ‘пожилая женщина, часто сладострастная’ SW II 821; *Malec* – польск. *malec* ‘малыш, ребенок’ SW II 856; *Smyk* – польск. *smyk* ‘сопляк (о ребенке)’ SW VI 249.

В антропонимах, созданных на базе лексем, обозначающих возраст, отражены две противоположные группы людей: имеются слова, относящиеся – с одной стороны – к детям (*Bobel, Gil, Smyk*), с другой – к пожилым людям (*Bielak, Gruchot, Łuba*).

► Материальное состояние:

Ancuta – русск. диал. (из лит.) *анчутка* ‘бедный человек’ (ср. лит. *ančiūtė* – уменьш. от *ántis* ‘утка’) СлБа 52; *Bobel* – лит. *bóbelis, bòbelis*

‘малоземельный крестьянин’ LPŻ I 282; *Bogacewicz* – польск. *bogacz*, русск. *богач* ‘богатый человек’ SW I 182, БТС 86; *Golak* – русск. *голяк* ‘бедный человек, оборванец’ Ушак I 593; *Golec* – польск. *golec* ‘бедняк’ SW I 866; *Holczenko* – белор. *голы*, укр. *голий* ‘бедный’ КНФ 180, СУМ I 300; *Korczak* – польск. *korczak* ‘прозвище, присваиваемое нищему помещику’ SW II 473; *Koziak* – польск. диал. *koziak* ‘презрительное прозвище, присваиваемое нищим коморникам (т. е. представителям одной из категорий феодально-зависимого, безземельного населения Белоруссии, Украины, Литвы и Польши, работавшим в помещичьем хозяйстве)’ SW I 296, II 511; *Szewczeniuk* – польск. *szewczyzna* ‘бедный сапожник’ SW VI 615.

Издавна люди оценивали других сквозь призму имущества. Они описывали менее состоятельных с сожалением, пренебрежением, а иногда с презрением (*Bobel, Golak, Szewczeniuk*). Только в одном примере встречается название человека, указывающее на его высокий материальный статус, где название, как можно предположить, содержит положительную коннотацию (*Bogacewicz*), хотя не исключено, что оно было употреблено в ироническом смысле.

► Место в обществе и группе:

Godun – вост.-сл. диал. *hodun* ‘воспитанник, питомец’ AGWB I 98; укр. *годун* ‘кормилец’ СУМ I 299; *Nowak* – др.-польск. *nowak* ‘человек новый в каком-либо обществе, профессии’ SStpl V 295, SW III 414 [ср. также Łuc 2016, 197]; *Nowickow* – русск. *новичок* ‘новый ученик или студент в каком-либо классе, группе и т.п.’, ‘человек, который недавно поступил куда-либо, поселился где-либо или начал заниматься чем-либо’ БТС 653; *Przybysz* – польск. *przybysz* ‘тот, кто прибыл, иммигрант’ SW V 265; *Przychodzień* – польск. *przychodzień* ‘тот, кто прибыл, иностранец’ SW V 268; *Szyszkiewicz, Szyszko* – белор. *шышка* ‘ирон. о значительном, влиятельном человеке’ ТСБМ V/2 435; *Tołkaczew* – русск. *толкач* ‘тот, кто любит толкаться в толпе людей’ КНФ 187.

Онимы этой группы чаще всего отражают категоризацию индивидов по принципу «свой – чужой» (*Nowak, Nowickow, Przybysz,*

Przychodzien). В единичных случаях мотивирующие лексемы указывают на другие типы связи первичного носителя онима с другими (*Godun*), его общественный статус (*Szyszkiewicz, Szyszko*) или отношения менее определенного характера (*Tołkaczew*).

Как показывают процитированные примеры, мотивация фамилий соотносится с прямым или переносным значениями лексем, зафиксированными в толковых словарях. Следует помнить, что рассматриваемые нами онимы употребляются в настоящее время, но они были образованы в прошлом на базе прозвищ, в которых особо проявляются механизмы человеческого мышления, категоризации мира и оценки другого человека⁷.

Из приведенного материала вытекает, что некоторые фамилии можно включить в разные группы. Это обусловлено присутствием нескольких апеллятивов – гипотетических словообразовательных баз или вызвано наличием отличных значений лексемы (в пределах одного или разных языков), порожденных омонимией или полисемией [см. Rejter 2006, 8] и обосновывающих различия в категоризации действительности, ср. напр. фамилии *Babula, Batura, Bobel, Ciamaga, Dunda, Tołkaczew, Worobiej* [ср. Bartmiński 1999, 110–111]. Встречаются также ситуации, когда отличающиеся значения находятся в пределах одной группы, ср., напр., *Gładkiewicz, Gładysz, Godun*.

Значение положенных в основу фамилий апеллятивов, а в последствии – с точки зрения когнитивизма – и самих онимов, субъективно и зависит от знаний и опыта конкретного потребителя [ср. Matusiak-Кемпа 2019, 80]. Это обосновано тем, что язык не относится прямо к предметам реального мира, а к понятиям в человеческом разуме. Некоторые формально тождественные онимы (имеющие одинаковое фонологическое строение) могут обладать различной смысловой структурой, зависящей от ряда внешних факторов [ср. Raszewska-Klimas 2019, 169].

Особое место в когнитивистском направлении принадлежит метафорам [см., напр., Елоева, Перехвальская, Саусверде 2014, 78–99], о чем свидетельствует также наличие лексем с переносным значением

⁷ Иза Матусьяк-Кемпа [Matusiak-Кемпа 2019, 129] подчеркивает, что процессы категоризации неразрывно связаны с аксиологизацией действительности.

в «подляшском» ресурсе. Когнитивисты считают метафору средством, позволяющим с помощью предметных сущностей концептуализировать абстрактные и неуловимые явления [Taylor 2001, 187]. Переносные наименования лиц, возникшие путем антропонимизации экспрессивов, являются важным показателем оценки окружающего мира. Благодаря тесной связи с апеллятивной лексикой, эти онимы в представлении человека эксплицитны [Кюршунова 2019, 75].

Источником первых антропонимов метафорического или метонимического характера был окружающий человека мир природы [Czubała 2008, 53], что подтверждает анализируемый набор собственных имен. Фамилии, восходящие к названиям растений и животных, не только раскрывают мыслительные схемы человека [Łuc 2016, 192], они подчеркивают также те ценности, которые вытекают из связи человека с природой. Эта зависимость проявляется как в чисто физическом плане (земледелие и животноводство), так и в духовном (вера в ее волшебные свойства [Lech-Kirstein 2019, 362]). Базой сравнений в метафорах служили чаще названия из мира фауны [Cieslikowa 1999, 272]. Ассоциации определенных черт животных с человеческими особенностями восходят к существованию определенных языковых стереотипов, образованных путем метафоризации, напр., отрицательный стереотип индейки – ‘надменный’, положительный стереотип ягненка – ‘кроткий’ [Magda-Czekaj 2016, 154]. Характеристика человека путем сведения его черт с чертами животного – явление очень регулярное и выразительное [Tokarski 1999, 74], причем семантические коннотации⁸, относящиеся к названиям животных, почти всегда показывают человека в отрицательном свете [Magda-Czekaj 2016, 156].

В основу рассматриваемых антропонимов могли быть положены не только прямые и/или переносные значения лексем, зафиксированные в толковых словарях. Так, например, объяснения многих фамилий даются не на базе засвидетельствованных в лексикографических пособиях

⁸ Коннотативные компоненты образуют факультативный, ограниченный контекстом слой значения лексемы. Они в большей степени, чем основные составляющие значения слова, обусловлены системами верований и убеждений, порожденных культурными обстоятельствами [Tokarski 1999, 65]. В традиционных подходах коннотация понимается как дополнительный элемент значения, в новых же – как существенный компонент семантической ценности лексемы [Rutkowski 2007, 13; ср. Matusiak-Kempa 2019, 86].

апеллятивов, а исходят исключительно из бытующих в устной речи прозвищ, ср. напр., фамилию *Толкач*, где среди многих пояснений дается народное: *Толкач* (белор. *Таўкач*) – «В народе *таўкачом* называют постриженного наголо» [Лемтюгова, Гапоненко 2018, 187]. Образование многих фамилий надо соотносить с окказиональными ассоциациями [ср. Matusiak-Kempa 2019, 128], где мотивирующей чертой могли быть, например, кулинарные предпочтения первоначального носителя онима, напр.: *Korowaj* – ср. вост.-сл. диал. *korowaj*, белор. *каравай* ‘вид свадебного пирога’ SGBP 107, SW II 480, TSBM II 635; *Kulesza* – ср. польск. диал. (из укр.) *kulesza* ‘вид мучного блюда, мамалыга’ SW II 626, вост.-сл. диал. *kulieš* ‘суп с крупой’ AGWB I 94; вост.-сл. диал. *kulieš* ‘вареная картошка, предварительно нарезанная кубиками’ SGBP 110.

Когнитивная методология отвергает концепцию размежевания языкового и энциклопедического знаний [Raszewska-Klimas 2019, 168]. В когнитивной лингвистике, применительно к онимам, такое разграничение не имеет большего значения, поскольку в этом контексте язык считается не закрытой системой знаков, обеспечивающей коммуникацию, а частью культуры, отображающей познавательные способности человека [Rutkowski 2007, 24; ср. Grzegorzczukowa 1993, 79].

Заслуживают внимания также онимы метафорического и метонимического характера, возникшие на базе символических и стереотипных значений апеллятивов [см. Голев, Дмитриева 2008, 13]. Важно отметить, что многие окружающие человека явления и предметы в прошлом наполнялись более глубоким содержанием, чем в настоящее время. Эти значения образовали язык символов, с помощью которого можно передать представления о человеке и окружающем его мире [Tresidder 2001, 6]. Пригодным «сырьем» для человеческого мышления являются символы, почерпнутые из мира фауны и флоры. Как известно, наиболее антропоморфны животные и это именно они превалируют в качестве потенциальных источников рассматриваемых нами антропонимов.

- ▶ Чаще всего встречаются символы птиц:

Bustowicz (ср. вост.-сл. диал. *busioł* ‘аист’) – ср. *auct* ‘плодовитость, материнство, супружеская верность, прелюбодеяние, послушание,

вежливость, чистота и др.’ Кор 23; **Gołub** (ср. русск. *голубь*, вост.-сл. диал. *hołub*) – ср. *голубь* ‘чистота, целомудрие, благоговение, смирение, любовь, правда, мудрость, простота, постоянство, робкость, искренность, трусость, зависть и др.’ Кор 95; **Kaczko** (ср. польск. *kaczka* ‘утка’) – ср. *утка* ‘супружеская любовь, счастье, беззаботность, болтливость, любопытство, обман, лесть’ Кор 131, ‘верность’ TreS 77; **Kokosz** (ср. польск. *kokosz* ‘петух’) – ср. *петух* ‘бдительность, измена, мудрость, сообразительность, доблесть, энергия, торопливость, здоровье, плодовитость, мужественность, самоуверенность, зависть и др.’ Кор 146, ‘надутость (о мужчине)’ MolS 64, ‘сладострастие’ TreP 61; **Korszaczuk, Korszak** (ср. вост.-сл. диал. *korszak*, укр. *коршак* ‘ястреб’, ‘коршун’) – ср. *ястреб* ‘быстрота, жестокость, свирепость, жадность, воинственность, зависть, коварство, мстительность, долговечность и др.’ Кор 117; **Kruk** (ср. польск. *kruk* ‘ворон’) – ср. *ворон* ‘злоба, свирепость, жадность, фальшь, наглость, нахальство, одиночество, долговечность, надежда’ Кор 168–169; **Ptak** (ср. польск. *ptak* ‘птица’) – ср. *птица* ‘плодовитость, любовь, родительская заботливость, чистота, амбиции, безумие, свобода, счастье и др.’ Кор 343; **Skowronek** (ср. польск. *skowronek* ‘жаворонок’) – ср. *жаворонок* ‘лихая смелость, веселье, легкомысленность, юркость, подвижность, мудрость и др.’ Кор 384; **Sołowiej** (ср. русск. *соловей*, вост.-сл. диал. *sołowiej*) – ср. *соловей* ‘мечтательность, жажда свободы, бдительность, скрытость, любопытство, грусть, огорчение и др.’ Кор 392; **Soroka, Sorokin** (ср. русск. *сорока*, вост.-сл. диал. *soroka*) – ср. *сорока* ‘радость, счастье, жадность, злобная болтовня’ TreS 204; **Worobiej** (ср. русск. *воробей*, вост.-сл. диал. *worobiej*), **Wróbel** (ср. польск. *wróbel* ‘воробей’) – ср. *воробей* ‘развратность, плодовитость, воровство, смелость, хитрость, бдительность, одиночество, меланхолия и др.’ Кор 487; **Wrona** (ср. польск. *wrona* ‘ворона’) – ср. *ворона* ‘одиночество, несчастье, креативность’ TreS 246; **Zieziula** (ср. польск. диал., вост.-сл. диал. *zieziula* ‘кукушка’) – ср. *кукушка* ‘эгоизм, тунеядство, коварство, обман, трусливость, лень, глупость, одиночество, зависть и др.’ Кор 178; **Żurawl** (ср. русск. *журавль*, вост.-сл. диал. *żurawl*) – ср. *журавль* ‘выносливость, исполнительность, быстрота, чрезмерная любопытность, осторожность, долговечность, любовь, верность, сообразительность и др.’ Кор 515.

- ▶ Богаты символикой также млекопитающие:

Baran (ср. белор., русск. *баран*, польск. *baran*) – ср. *баран* ‘сила’ MolS 14, ‘мужественность, запальчивость, упрямство’ TreS 15, TreP 60; **Kot, Kotowicz** (ср. русск. *кот*, польск. *kot*) – ср. *кот* ‘свирепость, хитрость, измена, эгоизм, лесть, неверность, воровство, впечатлительность, сдержанность, чистота, плодовитость, физическая стойкость и др.’ Кор 161; **Kozieł, Kozioł, Kozłow** (ср. русск. *козел*, польск. *kozieł, kozioł*) – ср. *козел* ‘потенция, упрямство’ Кор 163, ‘мужественность, хитрость’ TreS 93; **Lis** (ср. русск. *лис*, польск. *lis*) – ср. *лис* ‘обман, воровство, фальшь, лицемерие, лесть, трусливость, неблагодарность, эгоизм, злоба, коварство, плодовитость, уединенность и др.’ Кор 200, ‘хитрость’ MolS 87; **Myszko** (ср. польск. *myszka* – уменьш. от *mysz* ‘мышь’) – ср. *мышь* ‘таинственность, коварство, жадность, грусть, ловкость, боязливость, плодовитость, нищета, дерзость’ Кор 243; **Sarnowicz** (ср. белор., укр. *сарна*, польск., вост.-сл. диал. *sarna* ‘косуля’) – ср. *косуля* ‘любовь, быстрота, женственность, женская красота, девичество и др.’ Кор 122–123; **Pasiuk** (ср. русск. *пасюк*), **Szczur** (ср. польск. *szczur* ‘крыса’) – ср. *крыса, пасюк* ‘вражда, измена, ябедничество, шпионаж, мудрость, выносливость, скупость, сонливость и др.’ Кор 412; **Wolczuk** (ср. русск. *волк*), **Wilk** (ср. польск. *wilk* ‘волк’) – ср. *волк* ‘дикость, быстрота, агрессия, упрямство, неуступчивость, хитрость, зависть, жадность, сварливость, трусливость и др.’ Кор 467, ‘жестокость, смелость, забота’ TreP 62.

- ▶ Символическим содержанием наполнены названия насекомых:

Mucha (ср. русск., укр. *муха*, польск., вост.-сл. диал. *mucha*) – ср. *муха* ‘раздраженность, дерзость, ябедничество, назойливость, скупость, жадность, обжорство, чувственность, разврат, слабость, смелость и др.’ Кор 236; **Osa** (ср. русск. *оса*, польск. *osa*) – ср. *оса* ‘ядовитый человек’ TreS 152; **Pczela** (ср. русск. *пчела*), **Pszczola** (ср. польск. *pszczola* ‘пчела’) – ср. *пчела* ‘трудолюбие, заботливость, альтруизм, мудрость, воздержанность, послушание и др.’ Кор 341, ‘организованность, чистота’ MolS 130, ‘общительность, опрятность’ TreS 174–175,

- ▶ а также пресмыкающихся и земноводных:

Wąż (ср. польск. *wąż* ‘змея’) – ср. *змея* ‘долговечность, здоровье, чувствительность, ревнивость, осторожность, лень, хитрость, коварство и др.’ Кор 452; **Werle** (ср. лит. *varlė* ‘лягушка’) – ср. *лягушка* ‘сладострастие, разврат, плодовитость, любовь, болтливость, тщеславие, легкомысленность, зависть, нерешительность, нечистота, инертность и др.’ Кор 509.

- ▶ Мир растений представлен, главным образом, символической семантикой деревьев:

Bieroza (ср. русск. *береза*) – ср. *береза* ‘жизнь, смерть, любовь, супружество, девичество, целомудрие, власть, заботливость, грусть и др.’ Кор 29, ‘в России – символ молодой женщины’ MolS 20, TreS 22; **Dub** (ср. русск. *дуб*), **Dąb** (ср. польск. *dąb* ‘дуб’) – ср. *дуб* ‘выносливость, долговечность, плодовитость, физическая и нравственная сила, смелость, гостеприимство и др.’ Кор 58, ‘мужественность, стойкость’ MolS 30, TreS 37, ‘свобода’ МК 75; **Gruszka** (ср. польск. *gruszka* ‘груша (дерево)’) – ср. *груша* ‘красота, девственность’ МК 76, ‘любовь, материнство, долговечность’ TreP 88; **Jodła** (ср. польск. *jodła* ‘пихта’) – ср. *пихта* ‘гордость, надменность, красота, могущество, долговечность, смелость, терпение, честь, верность, грусть, надежда и др.’ Кор 128–129, ‘плохое настроение, угрюмость’ МК 78, 100; **Sosna, Sosniuk** (ср. русск. *сосна*, польск. *sosna*) – ср. *сосна* ‘долговечность, выносливость, смелость, здоровье, мужественность, верность, грусть, мудрость и др.’ Кор 398, ‘неприступность’ МК 85, ‘нахальство’ МК 198; **Wierzba** (ср. польск. *wierzba* ‘верба’) – ср. *верба* ‘женственность, плодовитость, бесплодие, разочарование, тоска, печаль, радость, мудрость, постоянство и др.’ Кор 464,

- ▶ и их плодов:

Szyszkiewicz, Szyszko (ср. белор. *шышка*, польск. *szyszka* ‘шишка’) – ср. *шишка* ‘отцовство, плодовитость, активность, семейная жизнь, помощь, счастье и др.’ Кор 414; **Gruszka** (ср. польск. *gruszka* ‘плод груши’) – ср. *груша* ‘красота, девственность’ МК 76, ‘любовь, материнство, долговечность’ TreP 88.

К числу растений, наделенных символическим коннотативным значением [ср. Matusiak-Kempa 2019, 11–12], относятся названия других организмов мира флоры:

Burak (ср. польск. *burak* ‘свекла’) – ср. свекла ‘презрительно о деревенском человеке или о ком-либо, кто ведет себя как некультурный и необразованный; глупость, безобразие (некрасивая внешность), пьянство, грубость’ SSSL II/2 228; **Chmiel** (ср. русск. *хмель*, польск. *chmiel*) – ср. *хмель* ‘веселье, выносливость, несправедливость, смирение, доверие, упрямство’ SSSL II/2 493, ‘нечистота’ МК 121; **Grib** (ср. русск. *гриб*), **Grzyb** (ср. польск. *grzyb* ‘гриб’) – ср. *гриб* ‘долгая жизнь’ MolS48; **Konopla** (ср. русск. *конопля*) – ср. *конопля* ‘плодовитость, благосостояние’ SSSL II/2 429, ‘подозрительность’ МК 193; **Szafran** (ср. русск. *шафран*, польск. *szafran*) – ср. *шафран* ‘филантропия’ МК 44, ‘ревность, зависть’ МК 85.

- ▶ Единичными примерами в исследуемом материале представлены символические значения предметов:

Lemiesz (ср. польск. *lemiesz* ‘лемех’) – ср. *лемех* ‘мир, жажда, похоть’ Кор 326–327; **Pług** (ср. русск. *пflug*, польск. *pług*) – ср. *пflug* ‘пионерство, труд, плодовитость’ Кор 326,

- ▶ и других объектов, наличие которых связано с человеческой деятельностью:

Pakuła (ср. польск. *pakuł*, лит. *pākulos*, лат. *pakulas* ‘пакля’) – ср. *пакля* ‘нищета, плодовитость’ SSSL II/2 469; **Popiołek** (ср. польск. *popiołek* – уменьш. от *popiół* ‘пепел’) – ср. *пепел* ‘краткость жизни, осиротелость, траур, отчаяние, смирение, страх и др.’ Кор 333.

—

Как показывают примеры, символика отдельных объектов (животных, растений, предметов) далеко не однозначна. Рассматриваемые апеллятивы наделены весьма разнообразными символическими смыслами, нередко очень обобщенными и противоположными в пределах одной лексемы [ср. Matusiak-Kempa 2012, 190]. Наличие контрастирующих

экспликаций связано с функционированием языковых единиц (символов) в разных культурах, отображающих национальные менталитеты и создающих языковые картины мира (см., например, лексему *верба* в словаре Ханса Байдермана [Biedermann 2001, 401–402]).

Мир стереотипов и символов аналогичен в этом смысле ресурсам метафор, которые характеризуются наличием – с одной стороны – универсальных элементов, с другой – компонентов, присущих только некоторым или даже одному языку. Языковая концептуализация может быть разной даже в родственных языках [Tabakowska 2001, 175]⁹. Причина такого положения заключается в том, что некоторые составляющие человеческого опыта свойственны всем людям, независимо от влияния определенного культурного фактора, другие – тесно связаны со средой, в которой функционирует человек [ср. Taylor 2001, 197]¹⁰. Значения некоторых лексем присущи германской, греческой, римской, египетской, дальневосточной и др. культурам. Это, однако, не препятствует относить их к славянским территориям, поскольку вследствие многовековых социальных процессов и массовых исторических событий элементы даже отдаленных друг от друга цивилизаций распространялись по всему миру. В связи с этим толкования символов нужно рассматривать не только с учетом местного (в нашем случае – славянского) культурного фона, но также следует помнить, что многие образы могут наполняться совсем другим символическим содержанием в определенном религиозном течении (например, христианство в Европе).

Значения некоторых лексем, отмеченные в словарях символов, иногда совпадают, а иногда отличаются от переносных значений, зафиксированных в толковых словарях, поскольку важно не то, каковыми являются отношения между объектами и понятиями, а то, в какие

⁹ О понятиях *языковой релятивизм* и *языковой детерминизм* см. [Tabakowska 2001, 175–176].

¹⁰ В этом контексте стоит обратиться к словам цитируемой уже несколько раз в этой статье И. Матусьяк-Кемпы, которая в своей интересной монографии *Nomen omni. Studium antroponimiczno-aksjologiczne* пишет, что системе ценностей (являющейся точкой отсчета для проведенного ей анализа фамилий поляков) присуща инвариантность, так как базовые универсалии являются естественными императивами, вписанными в эволюционно и культурно сформированную человеческую природу [Matusiak-Kempa 2019, 334].

символы верили наши предки и какие ассоциации вызывали эти знаки [Kopaliński 2001, 5]. Иногда попадают весьма неожиданные коннотации в системе символов, например, присущи волку трусливость и заботливость [ср. Matusiak-Kempa 2012, 189], образ сороки как отражение счастья или гриба как символа долгой жизни.

Анализ «подляшского» материала подтверждает тесную связь речемыслительной деятельности человека с широко понимаемым семантическим аспектом языковых средств (т. е. лексем – словообразовательных основ) в процессе формирования антропонимов. Представленная в настоящей работе точка зрения является лишь одним из подходов к личным наименованиям с перспективы когнитивной лингвистики. Тем не менее, рассмотренный нами материал позволяет – по крайней мере, частично – посмотреть на фамилии как на результат мыслительных процессов человека.

Список сокращений

Сокращения источников

- БТС – *Большой толковый словарь русского языка*, 2001, ред. С.А. Кузнецов, Санкт-Петербург.
- Даль – Даль В.И., 1880–1882, *Толковый словарь живого великорусского языка*, т. I–IV, Санкт-Петербург–Москва.
- КНФ – Лемтюгова В.П., Гапоненко И.О., 2018, *Корни наших фамилий / Карані нашых прозвішчаў*, Минск.
- СБГ – *Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча*, 1979–1986, рэд. Ю.Ф. Мацкевіч, т. 1–5, Мінск.
- СлБа – Лаучюте Ю.А., 1982, *Словарь балтизмов в славянских языках*, Ленинград.
- СУМ – *Словарь української мови*, 1907–1909 (1996–1997), ред. Б. Грінченко, т. 1–4, Київ.
- ТСБМ – *Тлумачальны слоўнік беларускай мовы*, 1977–1984, рэд. К.К. Атраховіч, т. 1–5, Мінск.
- Ушак – *Толковый словарь русского языка*, 1935–1940, ред. Д.Н. Ушаков, т. I–IV, Москва.

- Фасм – Фасмер М., 1986–1987, *Этимологический словарь русского языка*, т. I–IV, Москва.
- AGWB – *Atlas gwar wschodniosłowiańskich Białostoczczyzny*, 1980, red. S. Glinka, A. Obrębska-Jabłońska, J. Siatkowski, t. I, Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk.
- Dor – *Słownik języka polskiego*, 1958–1969, red. W. Doroszewski, t. 1–11, Warszawa.
- KonEBT – Kondratiuk M., 1985, *Elementy bałtyckie w toponimii i mikrotoponimii regionu białostockiego*, Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk–Łódź.
- KonNBB – Kondratiuk M., 2000, *Nazwiska pochodzenia bałtyckiego w regionie białostockim*, „Acta Baltico-Slavica”, t. 25, s. 123–150.
- KonNRL – Kondratiuk M., 1987, *Nazwy rodowe od antroponimów litewskiego pochodzenia na terenie północnej Białostoczczyzny*, „Acta Baltico-Slavica”, t. 18, s. 235–249.
- Kop – Kopaliński W., 2001, *Słownik symboli*, Warszawa.
- LLKŽ – Kalėda A., Kalėdienė B., Niedzwiecka M., 1991, *Lietuvių-lenkų kalbų žodynas*, Vilnius.
- LPŽ – *Lietuvių pavardžių žodynas*, 1985–1989, red. A. Vanagas, t. I–II, Vilnius.
- MK – *Mowa Kwiatów. Symbolika roślin, kwiatów i kolorów*, 1992, wyb. i ukł. I. Sikora, Wrocław.
- MoS – *Leksykon symboli*, 1992, oprac. M. Oesterreicher-Mollwo, tłum. J. Prokopiuk, Warszawa.
- RospNŚ – Rospond S., 1967–1973, *Słownik nazwisk śląskich*, cz. 1–2, Warszawa–Wrocław–Kraków.
- RymNP – Rymut K., 1999–2001, *Nazwiska Polaków: słownik historyczno-etymologiczny*, t. I–II, Kraków.
- SENiem – *Słownik etymologiczno-motywacyjny staropolskich nazw osobowych*, cz. 5: *Nazwy osobowe pochodzenia niemieckiego*, 1997, red. A. Cieślíkowa, M. Malec, K. Rymut, oprac. Z. Klimek, Kraków.
- SGBP – Wróblewski M., 2008, *Słownik gwary bielsko-podlaskiej*, Bielski Podlaski–Studziwody.
- SGOWM – *Słownik gwar Ostródzkiego, Warmii i Mazur*, 1987–, red. Z. Stamirowska, t. 1–, Wrocław.
- SGPR – *Słownik gwar polskich*, 1981–, red. J. Okoniowa, J. Reichan, t. 1–, Wrocław–Kraków.

- SHNOB – Abramowicz Z., Citko L., Dacewicz L., 1997–1998, *Słownik historycznych nazw osobowych Białostoczczyzny (XV–XVII w.)*, t. I–II, Białystok.
- SSSL – *Słownik stereotypów i symboli ludowych*, t. 2: *Rośliny*, 2018, red. J. Bartmiński, Lublin.
- SStpl – *Słownik staropolski*, 1953–, red. S. Urbańczyk, t. 1–, Wrocław.
- SW – Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W., 1900–1927, *Słownik języka polskiego, tzw. warszawski*, t. I–VIII, Warszawa.
- SXVI – *Słownik polszczyzny XVI w.*, 1966–2012, t. I–XXXVI, Wrocław–Warszawa.
- TreP – Tresidder J., 2001, *Symbole i ich znaczenie*, tłum. Z. Dalewski, Warszawa.
- TreS – Tresidder J., 2005, *Słownik symboli*, tłum. B. Stokłosa, Warszawa.
- ZinkLB – Zinkevičius Z., 2011, *Lietuviškas (baltiškąs) paveldas Balstogės vadvijos Lenkijoje pavardėse: slavizacijos apybraiža*, Vilnius.

Другие сокращения

- белор. – белорусский
- венг. – венгерский
- вост.-сл. – восточнославянский
- диал. – диалектный
- др.-польск. – древнепольский
- ласк. – ласкательное
- лат. – латышский
- лит. – литовский
- нем. – немецкий
- перен. – переносный
- польск. – польский
- русск. – русский
- см. – смотри
- ср. – сравни
- укр. – украинский
- уменьш. – уменьшительное

Литература

- Bartmiński J., 1999, *Punkt widzenia, perspektywa, językowy obraz świata*, [w:] *Językowy obraz świata*, red. J. Bartmiński, Lublin, s. 103–120.
- Biedermann H., 2001, *Leksykon symboli*, przekł. J. Rubinowicz, Warszawa.
- Bogdanowicz E., 2010, *Konotacje wartościujące nazw własnych*, [w:] *Nazwy własne a społeczeństwo*, red. R. Łobodzińska, Łask, s. 115–126.
- Cieślíkowa A., 1990, *Staropolskie odapelatywne nazwy osobowe. Proces onimizacji*, Wrocław–Warszawa–Kraków.
- Cieślíkowa A., 1996, *Metody w onomastycznych badaniach różnych kategorii nazw własnych*, „Onomastica”, t. XLI, s. 5–19.
- Cieślíkowa A., 1999, *Nazwy własne w procesie rekonstrukcji obrazu dawnego świata*, [w:] *Przeszłość w językowym obrazie świata*, red. A. Pajdzińska, P. Krzyżanowski, Lublin, s. 269–276.
- Czubała K., 2008, *Nazwiska współczesnych mieszkańców Chetma mające w swych podstawach nazwy zwierząt i roślin (z uwzględnieniem elementów wschodniosłowiańskich i germańskich)*, „Poradnik Językowy”, nr 5 (654), s. 52–63.
- Dorofeenko M.L., 2019, *Nacional'no-kul'turnoe nasledie v urbanonimii Belarusi i Francii*, [v:] *Onomastika Povolž'â: materialy XVII Meždunarodnoj naučnoj konferencii (Velikij Novgorod, 17–20 sentâbrâ 2019 goda)*, red. L.V. Vasil'ev i dr., Velikij Novgorod, s. 377–381. [Дорофеенко М.Л., 2019, *Национально-культурное наследие в урбанонимии Беларуси и Франции*, [в:] *Ономастика Поволжья: материалы XVII Международной научной конференции (Великий Новгород, 17–20 сентября 2019 года)*, ред. Л.В. Васильев и др., Великий Новгород, с. 377–381.]
- Eloeva F.A., Perehval'skaâ E.V., Sausverde È., 2014, *Metafora i evrističeskaâ funkcijâ âzyka (byvaet li âzyk bez metafor)*, „Voprosy âzykoznanij”, No. 1, s. 78–99. [Елоева Ф.А., Перехвальская Е.В., Саусверде Э., 2014, *Метафора и эвристическая функция языка (бывает ли язык без метафор)*, «Вопросы языкознания», № 1, с. 78–99.]
- Golev N.D., Dmitrieva L.M., 2008, *Edinstvo ontologičeskogo i mental'nogo bytiâ toponimičeskoj sistemy (k problematike kognitivnoj toponimiki)*, „Voprosy onomastyki”, No. 5, s. 5–17. [Голев Н.Д., Дмитриева Л.М., 2008, *Единство онтологического и ментального бытия топонимической системы (к проблематике когнитивной топонимики)*, «Вопросы ономастики», № 5, с. 5–17.]
- Grzegorzyczkowa R., 1993, *Znaczenie wyrażeń a wiedza o świecie*, [w:] *O definicjach i definiowaniu*, red. J. Bartmiński, R. Tokarski, Lublin, s. 73–82.

- Kaleta Z., 1998a, *Gramatyka onomastyczna w ujęciu kognitywnym*, [w:] *Najnowsze przemiany nazewnictwa*, red. E. Jakus-Borkowa, K. Nowik, Warszawa, s. 241–253.
- Kaleta Z., 1998b, *Językoznawstwo kognitywne i nauka o wartościach a nazwy własne*, „*Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej*”, t. 34, s. 157–177.
- Копач О.И., 2018, *Топознак: лексическаâ motivaciâ vs grammatičeskaâ denotaciâ*, [v:] *Regional'naâ onomastika: problemy i perspektivy issledovaniâ*, red. А.М. Мезенко, Витебск, s. 21–24. [Копач О.И., 2018, *Топознак: лексическая мотивация vs грамматическая денотация*, [в:] *Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования*, ред. А.М. Мезенко, Витебск, с. 21–24.]
- Kopaliński W., 2001, *Słownik symboli*, Warszawa.
- Kûršunova I.A., 2019, *Novye podhody v issledovanii onomastičeskih materialov*, [v:] *Onomastika Povolž'â: materialy XVII Meždunarodnoj naučnoj konferencii (Velikij Novgorod, 17–20 sentâbrâ 2019 goda)*, red. L.V. Vasil'ev i dr., Velikij Novgorod, s. 73–77. [Кюршунова И.А., 2019, *Новые подходы в исследовании ономастических материалов*, [в:] *Ономастика Поволжья: материалы XVII Международной научной конференции (Великий Новгород, 17–20 сентября 2019 года)*, ред. Л.В. Васильев и др., Великий Новгород, с. 73–77.]
- Lech-Kirstein D., 2019, *Językowy obraz świata w dolnośląskich oronimach pochodzących od nazw roślin i zwierząt*, [w:] *Nazwy własne w języku, literaturze i kulturze*, red. A. Rygorowicz-Kuźma, K. Rutkowski, Białystok, s. 351–365.
- Lemtûgova V.P., Gaпоненко I.O., 2018, *Korni naših familij / Karanì našyh prozviščaj*, Minsk. [Лемтюгова В.П., Гапоненко И.О., 2018, *Корни наших фамилий / Карані наших прозвішчаў*, Минск.]
- Łuc I., 2016, *Konotacje wartościujące w odapelatywnych nazwiskach mieszkańców Śląska Cieszyńskiego (XIX wiek)*, „*Białostockie Archiwum Językowe*”, t. 16, s. 191–211.
- Magda-Czekaj M., 2016, *Świat przyrody widziany przez nazwiska pochodzenia gwarowego*, „*Onomastica*”, t. LX, s. 151–162.
- Maslova V.A., 2018, *Onomastika skvoz' prizmu lingvokulturologii*, [v:] *Regional'naâ onomastika: problemy i perspektivy issledovaniâ*, red. А.М. Мезенко, Витебск, s. 27–31. [Маслова В.А., 2018, *Ономастика сквозь призму лингвокультурологии*, [в:] *Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования*, ред. А.М. Мезенко, Витебск, с. 27–31.]
- Matusiak-Kempa I., 2012, *Wartości moralne utrwalone w nazwiskach odapelatywnych na Warmii (XVI–XVIII w.)*, „*Prace Językoznawcze*”, t. XIV, s. 187–197.
- Matusiak-Kempa I., 2019, *Nomen omen. Studium antroponimiczno-aksjologiczne*, Olsztyn.

- Mrózek R., 2006, *Apelatywna sfera językowa a sfera onimiczna – przed- i poglobalizacyjny problem onomastyki*, [w:] *Onimizacja i apelatywizacja*, red. Z. Abramowicz, E. Bogdanowicz, Białystok, s. 153–163.
- Raszewska-Klimas A., 2019, *Cognitivism as a Method of Interpreting Anthroponyms*, “Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sectio FF Philologiae”, vol. XXXVII, No. 1, pp. 167–176.
- Rejter A., 2006, *Leksyka ekspresywna w historii języka polskiego. Kulturowo-komunikacyjne konteksty potoczności*, Katowice.
- Rutkowski M., 2007, *Nazwy własne w strukturze metafory i metonimii*, Olsztyn.
- Skowronek K., 1997, *Polskie nazwiska a kultura. Propozycja badań kognitywnych*, „Biuletyn PTJ”, t. LIII, s. 145–156.
- Suprun V.I., 2019, *Funkcional’naâ i asociativnaâ onomastika*, [v:] *Onomastika Povolž’â: materialy XVII Meždunarodnoj naučnoj konferencii (Velikij Novgorod, 17–20 sentâbrâ 2019 goda)*, red. L.V. Vasil’ev i dr., Velikij Novgorod, s. 100–105. [Супрун В.И., 2019, *Функциональная и ассоциативная ономастика*, [в:] *Ономастика Поволжья: материалы XVII Международной научной конференции (Великий Новгород, 17–20 сентября 2019 года)*, ред. Л.В. Васильев и др., Великий Новгород, с. 100–105.]
- Tabakowska E. (red.), 2001, *Kognitywne podstawy języka i językoznawstwa*, Kraków.
- Tabakowska E., 2004, *Kognitywizm po polsku – wczoraj i dziś*, Kraków.
- Taylor J.R., 2001, *Kategoryzacja w języku*, przekł. A. Skucińska, Kraków.
- Tokarski R., 1999, *Językowy obraz świata w metaforach potocznych*, [w:] *Językowy obraz świata*, red. J. Bartmiński, Lublin, s. 65–81.
- Tresidder J., 2001, *Symbole i ich znaczenie*, przekł. Z. Dalewski, Warszawa.

SURNAMES OF PODLASIE: THE COGNITIVE ASPECT

ABSTRACT

Key words: onomastics, anthroponymy, surnames, cognitivism, Podlasie

The primary function of a proper name is the nomination of an object. Anything that exists in the surrounding reality is given a name only by virtue of being the focus of human interest. The bearer of language names objects based on their own perception of the world. It is the cognitive approach in the study of onymics that

allows us to look at the existence of proper names in the human mental lexicon. Until the beginning of the 21st century, the cognitive aspect was not popular among scholars of onomastics, as proper names were mainly the domain of etymologists and structuralists. This paper focuses on the cognitive aspect in the description of appellative-derived names in Podlasie (based on material from Bielsk Podlaski), whose multiculturalism is conditioned by historical, confessional-ethnic, and linguistic factors. The starting point in the analysis is the property on the basis of which the original anthroponym was created. The human traits underlying the anthroponyms may have referred to external appearance (*Baniewicz, Choroszkiewicz, Gładysz, Gorbacewicz, Korzun*), character traits (*Baran, Bołdak, Cilulko, Wojszkowicz, Zoch*), manner of behaviour (*Ciamaga, Haraburda, Sidun*), peculiarities of speech (*Harkawy, Treszczotka*), family relations (*Bliźniuk, Poskrobka, Prystupa*), age (*Gil, Grzyb*), etc. Attention is also drawn to the onyms created on the basis of symbolic and stereotypical meanings (e.g. *Bieroza, Dąb, Wąż, Sikora*). The names are used in modern times but were created in the past on the basis of nicknames, in which the mechanisms of human thinking, categorization of the world, and evaluation of another person are specifically manifested.